

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ МИРЫ ЮНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. ХОДЖСОН БЕРНЕТТ «ТАИНСТВЕННЫЙ САД»

Варвара Андреевна Бячкова

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры,
доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Статья поступила в редакцию 15.10.2021

Статья посвящена анализу романа «Таинственный сад» Ф. Ходжсон Бернетт. Продемонстрирован двухсторонний процесс влияния пространства на характер героя-ребенка и на способность героя преобразовать мир вокруг. В романе ставятся проблемы воспитания как обязательного условия формирования личности, живущей в гармонии с собой. Воспитание и самовоспитание в романе – это процесс постижения ребенком культуры (на самом разном уровне) и природы. Ключевой образ в романе – образ сада – становится символом синтеза культуры и природы. Возрожденный героями романа сад становится местом их личностного формирования и возрождения. Отдельные аспекты романа сравниваются с романом «Маленькая Принцесса».

Ключевые слова: Ф. Х. Бернетт, «Таинственный сад», герой-ребенок, пространство, роман.

Роман «Таинственный сад» (“The Secret Garden”, 1911) считается вершиной творчества писательницы. Такую характеристику дают многочисленные аннотации к роману в разных изданиях (см., например, в аннотации к изданию романа Penguin Popular Classics [Burnett 1995]). Можно назвать этот роман наиболее изученным (в качестве примера приведем сборник научных трудов, посвященный 100-летию юбилею «Таинственного сада» [A Hundred Years of Secret Garden 2012]). Среди «магистральных» направлений исследования произведения в современном литературоведении можно выделить такие, как анализ романа с точки зрения колониального дискурса [Шишкова 2019], а также гендерного вопроса [Petčović 2006] и др. Многими «Таинственный сад» интерпретируется как своего рода «портрет» викторианской и эдвардианской

эпохи, поскольку творчество Ф. Х. Бернетт относят к детской литературе с «консервативным» изображением действительности и ярко выраженной дидактической, воспитательной направленностью. Таким образом, они изначально транслировали читателям ценности виторинской и эдвардианской эпох [Kirpatrick 2012]. Особого внимания исследователей, конечно, заслуживает центральный образ романа – образ сада, который исследователи, в том числе сопоставляют с Райским садом [Нюкова 2013; Фельдман 2014; DiGiulio 2014].

Если говорить о попытках провести параллель между произведениями Ф. Х. Бернетт и другими романами эпохи, старшими современниками писательницы, то чаще всего говорят о сходстве «Таинственного сада» с творчеством сестер Бронте: романами «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал» [Carpenter 1987; James 2000; Tyler 2002]. Действительно, некоторые элементы сюжета «Таинственного сада» определенно являются переключкой с романом Ш. Бронте: юная героиня исследует старый, таинственный дом и «обнаруживает» там жильца, ранее ей неизвестного, но способного во многом повлиять на ее настоящее и будущее. С другой стороны, географическое положение поместья Мисселтуэйт Мэнор (Йоркшир), окружающая его природа и его обитатели содержат несомненные параллели с романом Э. Бронте.

Помимо литературных параллелей, обращают внимание на особое место романа в биографии автора. «Таинственный сад», имел для писательницы терапевтический эффект, будучи откликом на смерть сына Лайонела (об этом, в частности, пишет L. M. Kirpatrick [2012: 81]). Возможно, именно поэтому Ф. Х. Бернетт в этом романе отказывается от романтического образа ребенка и создает своих юных героев максимально правдоподобными и противоречивыми.

Опираясь на ряд исследований вышперечисленной тематики, мы анализируем организацию пространства «Таинственный сад»¹, этот аспект отдельно ранее не рассматривался. Общая схема организации пространства в романе совпадает с общей схемой организации пространства в «Маленькой принцессе». Пространство героев (прежде всего, героини – Мэри Леннокс) можно условно разделить на 3 «мира»: большой (Мэри, как и Сара Кру, родилась в Индии и, осиротев, предпринимает путешествие в Англию), малый (мир дома, где живет девочка) и мир внутренний. В новом для героини «малом мире» происходит процесс становления личности девочки (см. об этом, например [Рашки 2015]).

Принципиальное (и сразу же «заданное») различие между героинями «Маленькой принцессы» и «Таинственного сада» состоит в том, что «внутренний» мир Сары Кру (мы его назвали «мир воображения»

[Бячкова 2020]) является стержнем личности девочки, положительного персонажа, настоящей викторианской леди, вне всякого сомнения, призванной служить примером для читателей романа. В отличие от Сары, Мэри Леннокс, героиня романа «Таинственный сад», – более сложный образ. Х. Карпентер в своей монографии назвал ее также «Седрик Эролл наоборот» (проводя «антипараллель» с главным героем другого романа Ф. Х. Бернетт – «Маленький лорд Фаунтлерой») [Carpenter 1987: 188].

В первых же строках романа Мэри характеризуется как «неприятная» [Burnett 1995: 7] девочка, которая к финалу романа постепенно приближается к известному образу «Ангела в доме», идеальной викторианской хозяйки, женщины – Евы, устроительницы. Внутренний мир героини подается писательницей как проблема, а динамика его развития составляет одну из важнейших сюжетных линий романа. Внутренний мир героини тесно связан с «большим» и «малым» миром и, в свою очередь, определяет восприятие Мэри окружающего ее пространства.

Литературоведы в контексте колониальных исследований романа обращают внимание на резко отрицательный образ Индии в произведении. Так, Д. Петкович характеризует образ Индии в романе как «демонизированный и экзотический» [Petković 2006: 90]. Действительно, если в «Маленькой принцессе» Индия предстает как яркий, экзотический мир, с которым у главной героини связаны в основном приятные воспоминания о счастливом детстве, то в «Таинственном саду» Индия – это мир невыносимо жаркого климата, болезней, полного отсутствия порядка и разного рода отклонений во взаимоотношениях между людьми (слугами и хозяевами, детьми и родителями, супругами и т. д. и пр.). Мир Индии действительно губителен для Мэри Леннокс во многих отношениях. Отвергнутая родителями девочка растет на руках у слуг, которые портят ее своим подбострастием, основанным на «традиции» кастового общества и превосходства англичан над местным населением. Внутренний мир девочки никому не интересен, ее, по сути, никто не воспитывает. Мэри не умеет выстраивать отношения с окружающими, она не знает границ, не знает саму себя, что делает ее несчастной, одинокой и все более «Contrary», как героиню детской песенки [Burnett 1995: II].

В Мэри Леннокс есть определенно и положительное начало. С Сарой Кру, например, ее объединяет любовь к книгам, сказкам, волшебным историям. Именно о такой сказке она вспоминает, когда впервые слышит грустную историю своего дяди и испытывает к нему что-то вроде сочувствия. Другое любимое занятие Мэри – игра в «садики», которые девочка «строит» из того, что попадется под руку [Burnett 1995: 156],

что также можно интерпретировать как стремление ребенка упорядочить мир вокруг, сделать его красивее, гармоничнее, лучше.

Думается, можно поспорить с теми, кто считает, что исключительно Индия (или даже шире – Британская Империя, если вспомнить о схожей проблеме кузена Мэри Колина) «виновата» в неадекватном воспитании, которое получает героиня (например, И. А. Шишкова также высказывает сомнения в том, стоит ли считать Мэри «жертвой империализма» [Шишкова 2019: 85]). Так или иначе, одиночество девочки становится абсолютным в разгар эпидемии холеры: родители девочки умирают, выжившие слуги разбегаются, мир бунгало разрушается. Мэри вынуждена отправиться в новый «малый мир» – поместье дяди Мисселтуэйт Мэнор в Йоркшире.

Как мы уже упоминали ранее, образ этого мрачного дома позволяет сопоставить «Таинственный сад» романами сестер Бронте: «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал». Мэри, как и Джейн Эйр, постепенно постигает тайны своего нового дома и его окрестностей и однажды узнает, что знает далеко не всех обитателей дома. Однако в целом Мисселтуэйт Мэнор гораздо ближе к Грозовому Перевалу, например, по месту расположения (Йоркшир – о чем пишет, например, С. Джеймс [James 2000]). Исследователи проводят многочисленные параллели между героями «Таинственного сада» и персонажами «Грозового перевала»: Дикон – «правильный» Хитклиф [Carpenter 1987: 189], Арчибалд Крейвен – Хитклиф, Колин – Линтон [James 2000], Мэри – «обе Кэтрин», Колин – Линтон и Гэртон [Tyler 2002] и т. д. и т. п.

Мисселтуэйт Мэнор, конечно, гораздо ближе к «образцовой» викторианской усадьбе, в отличие от Грозового Перевала. Однако жизнь Мэри в доме дяди во многом также отклоняется от принятых норм. Так, например, девочку одевают не в традиционные траурные одежды, а в «полутраурные» серый и белый [Burnett 1995: 31]. Для Мэри не нанимают ни няни, ни гувернантки. Но даже минимальные элементы общепринятого воспитания благотворно сказываются на Мэри. Она, тем не менее, оказывается окружена традиционными, простыми и очень эффективными «приметами» викторианского воспитания. Девочка учится играть одна, наблюдать, заводить друзей. А смена цвета одежды символизирует начало перерождения героини. На здоровье, самочувствие и поведение девочки благотворно влияют долгие прогулки на свежем воздухе, простая, питательная пища. Свежий ветер «будит» любопытство, зрение, слух, разум [там же], успокаивает нервы, больше не хочется быть злой и раздражительной. Подаренная прыгалка («самая полезная

игрушка» [там же: 70]) укрепляет здоровье. Вслед за этим меняется характер девочки: она заводит себе друзей (птичка малиновка, горничная Марта и ее брат Дикон, старый садовник Бен).

Кульминация нравственного и психологического становления Мэри происходит, когда малиновка «помогает» ей отыскать ключ в заброшенный сад ее покойной тети, а потом «показывает», какую дверь этот ключ открывает. Работа в настоящем садике, да еще так сказочно и таинственно «обретенном», – это не просто осуществление детской мечты, но еще и новые цели, задачи и навыки: поиск ресурсов и их распределение (Где достать новые растения и инструменты? Как правильно потратить краманные деньги Мэри?), развитие чувства прекрасного и вера в свои силы. Таким образом, мир Мэри, на первый взгляд, сужается: большой (английская девочка в Индии) уступает место малому (Мисселту-эйт Мэнор), а таинственный садик становится воплощением внутреннего мира (место гармонии и счастья, которое героиня обустраивает вместе с друзьями). Однако такое сужение пространства имеет положительное значение, будучи синонимом идентификации девочки, без которого невозможно становление ее личности. Вначале романа Мэри – «ничья» девочка [там же: 17], сад (тоже сначала «ничей» [там же: 97]), и друзья помогают ей обрести свое место в мире.

Однако перерождения Мэри оказывается недостаточно. «Домашний Ангел» и Ева-устроительница должны уметь не только сохранять внутреннюю гармонию, но и дарить ее окружающим. Такой задачей для Мэри становится перерождение (точнее, возрождение к жизни) ее кузена Колина. Пространство Колина, напротив, расширяется. Когда Мэри с удивлением обнаруживает мальчика в одной из комнат дома, они сразу же становятся друзьями, но девочка дает кузену прозвище «Раджа». Ее поражает, как в Колине вдруг воскресает Индия, особенно не самое лучшее из того, что она там видела и оттуда вынесла. Слуги, так просто перевоспитавшие ее саму (кто спокойным равнодушием, а кто – дружеским участием), моментально отучившие ее от истерик и капризов, совершенно беспомощны перед «припадками» Колина. Тут, думается, дело тоже не в классовых и расовых принципах Британской Империи. Колин живет в атмосфере вседозволенности (в своем ограниченном пространстве) не потому, что он «сын белого джентльмена», а потому, что он считается неизлечимо больным, практически приговоренным к скорой смерти с самого рождения. Собственный отец его постоянно покидает, не в силах быть рядом с сыном в постоянном ожидании кошмара новой потери, с этим чувством мальчик остается один на один и в отчаянии ежедневно терзает как самого себя, так и окружающих.

Примечательно, что Мэри «перевоспитывает» Колина, «возрождая» свое старое «я»: капризную, упрямую, “Quite Contrary”; ругая и стыдя кузена она помогает ему увидеть самого себя как в зеркале. У Мэри Колин учится мужеству, самообладанию («Раньше он как будто жил на необитаемом острове, он бы королем этого острова, устанавливал там свои порядки, ему не с кем было себя сравнивать» [там же: 217]). Малый мир мальчика стремительно расширяется: Колин знакомится с Диконом – «заклинателем зверей» [там же: 187]) и его подопечными («Я тоже мальчик-зверь», – скажет потом Колин о себе [там же: 144]), вместе с Мэри осваивает местный диалект. Со слугами он по-прежнему общается «как Принц Консорт» [там же: 197], но круг этого общения существенно расширяется, и Колин понемногу начинает учитывать интересы других людей, не только свои собственные, а «королевские» манеры помогают наводить вокруг порядок, которого не хватает помещению в отсутствие отца. Как и в случае с Мэри, кульминация освобождения мальчика – знакомство с садом. Тесный контакт с природой становится для Колина символом жизни: здоровой, интересной, долгой. Именно попав в сад, он восклицает: «Я поправлюсь! Я буду жить вечно!» [там же: 199].

С появлением в саду Колина завершается еще один очень важный процесс формирования пространства. Чрезвычайно важно, что для эпохи создания романа пространство сада – это не только символическое воспроизведение Райского сада, воспетой еще романтиками возможности приблизиться к природе, но и сочетание природы и культуры (см. об этом [DiGiulio 2014: 25]). Мэри, Дикон и Бен преобразовывают природу, приводя сад в порядок, делая его более гармоничным, упорядоченным, ухоженным (т.е., более «культурным»). С появлением Колина сад переходит на новый уровень культуры ритуала, культуры эмоционального и интеллектуального обогащения.

Почувствовав интерес к миру, Колин мечтает стать ученым и в саду друзьям читает небольшие «лекции», осмысляя свои впечатления и содержание многочисленных прочитанных книг. Узнав от Мэри и, опять же, прочитав в книгах о медитации, популярной на Востоке, Колин придумывает для себя медитационный ритуал, выполнять который ему помогают друзья. Дети называют его Волшебством (см., например, [там же: 73]), которое «является сочетанием самовнушения и естественного позитивного влияния природы» [Фельдман 2014: 158]. Наконец, когда дети однажды «играют» в Индию (к этому времени Мэри уже поняла, что рассказы о ее жизни в «большом мире» делают ее интересной окружающим, к тому же они – источник увлекательных игр), Колин впервые произносит слово «храм» [там же: 225], и все подхватывают эту идею, превращая сад в место поклонения природе – Волшебству. Ни Колин,

ни Мэри раньше не были в церкви, эта аналогия приходит в голову Дикону и Бену, которые поют для детей церковный гимн. Знакомый и привычный, в саду он звучит особенно торжественно [там же: 254]. Так, Колин и Мэри приобщаются к религии, к ее ритуальной составляющей, с радостью и полным пониманием происходящего.

Пространство таинственного сада постепенно приобретает черты идеального места, идеального мира (см. об этом, например [Шишкова 2019: 88]). Некоторые исследователи обращают внимание на то, что с появлением в саду Колина отношения внутри круга посвященных в тайну сада приобретают традиционную для британского общества структуру: Колин оказывается в центре (как мальчик и джентльмен), а Мэри (девочка), Дикон и Бен (представители низших классов) отходят на задний план [Petcovič 2006: 94]. Другие сетуют на то, что если в саду границы классов размываются, то они восстанавливаются потом, вне сада [DiGiulio 2014: 29]. Несомненно, не только роман «Таинственный сад», но все творчество Ф. Х. Бернетт в целом отличается определенной консервативностью (ее отмечают многие исследователи творчества писательницы, см. например [Шишкова 2019: 85]). Не будем забывать, что произведения Ф. Х. Бернетт ориентированы, прежде всего, на детскую аудиторию и выполняют, кроме всего прочего, дидактическую функцию. Они знакомят своих читателей-современников с окружающим миром, правилами, по которым он живет, и учат детей, как в этом мире стать счастливыми и прожить жизнь достойно. Действительно, можно говорить о том, что некоторые черты «портрета» Британской Империи были с тех пор переосмыслены и не могут восприниматься как положительные, будучи, в лучшем случае неоднозначными (и в этом, в том числе, заключается ценность произведений Ф. Х. Бернетт: теперь они получили новый дидактический потенциал, возможно, даже не осознанный их создателем изначально). Однако, на наш взгляд, очень важно анализировать произведения писательницы не только с точки зрения современного мира, но и в их изначальном, нравственном и философском аспекте.

Например, что касается образа Колина, вспомним еще раз, что если Мэри в саду своей тети становится личностью, то Колин находит там жизнь и здоровье (без которых становление личности просто бессмысленно). Сад не только дарит ему будущее, но и примиряет его с прошлым. Чрезвычайно важен момент, когда слова Колина «Это мой сад» произносятся почти сразу же после фразы «Это мамин сад» [Burnett 1995: 213]. Понятие «мамино» и «мое» в сознании мальчика сливаются, он почти физически ощущает присутствие умершей матери. Восклицание «Это мама!», вынесенное в заголовок XXVI главы [там же: 251],

можно в равной мере отнести как к появлению в саду миссис Соуэрби, мамы Дикона и Марты (символа материнской любви и заботы), так и к единению покойной Лилиас Крэйвен с сыном (После этого Колин по-другому начинает относиться к портрету матери. Он больше не напоминает мальчику о скорой смерти, а, наоборот, дарит желание жить).

В финале романа пространство сада расширяется. На протяжении всего романа мы наблюдаем, как не только сад, но все поместье оживает по мере становления Мэри и возрождения Колина к жизни: постоянно возникают все новые второстепенные персонажи, например, дворецкий, сиделки и пр. Наконец, отец Колина Арчибалд Крэйвен, подобно Джейн Эйр, слышит голос любимого человека: жены, которая призывает его вернуться в Англию и Мисселтуэйт Мэнор, к сыну. Примечательно, что это также происходит на лоне природы, в Швейцарии. Вернувшись к отцу Колин открывает тайну своего полного выздоровления и выходит с ним из сада вместе с Мэри и их друзьями. Так, гармония внутреннего мира каждого персонажа становится гармонией всего поместья, дома.

Наконец, необходимо вспомнить о месте романа «Таинственный сад» в жизни его создательницы. Если действительно образ Колина и весь роман в целом были своего рода терапией, помогавшей справиться со смертью сына, то идущий по дорожке рядом со своим отцом Колин – это живой Лайонел, ставший бессмертным на страницах произведения, написанного его матерью, а всеобщая гармония финала «Таинственного сада» – это идеальный мир, который Ф. Х. Бернетт дарит своему ребенку, а вместе с ним – и своим живым читателям.

Таким образом, в романе «Таинственный сад» среди миров 3-х уровней, в которых живут дети, особое внимание уделяется миру малому и миру внутреннему, а также их диалектике. Ребенок не способен увидеть большой мир (у Мэри это Индия, а у Колина – мир прочитанных книг), если он не осознает своего «я». С другой стороны, малый мир (природа) имеет огромный воспитательный потенциал, способный помочь ребенку выбраться из кризиса. Но, приведя в порядок свой внутренний мир, ребенок обнаруживает способность управлять своим малым миром, совершенствовать его. Тандем малого мира (сада – мира природы и культуры) и внутреннего мира героев вместе порождают гармонию, которая оказывается способна преобразовать пространство и дальше и вести героев по жизни к счастью.

Примечание

¹ В этой статье мы продолжаем исследование организации пространства мира героя-ребенка в творчестве Ф. Ходжсон Бернетт (1849–1924). Предыдущий материал был посвящен роману «Маленькая принцесса» [Бячкова 2020] (см., также [Vyachkova 2021]), планируется публикация по материалам произведения «Маленький лорд Фаунтлерой».

Список литературы

Бячкова В. А. Большие и маленькие миры юных героев в романе Ф.Х. Бернетт «Маленькая принцесса» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. № 3. С. 70–78. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-70-78.

Новикова В. П. Образ сада в произведении Ф. Бернетт «Таинственный сад» // Современные тенденции развития образования и культуры в общеевропейском контексте. Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках Года Германии в России 2012–2013. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2013. С. 324–328.

Рашики Н. Эволюция личности в романе «Таинственный сад» Ф.Х.Бернетт // Актуальні питання гуманітарних наук. 2015. № 14. С. 206–211.

Фельдман Е. А. Образ сада-рая в английской детской литературе XX в. // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 155–163.

Шишкова И. А. Фрэнсис Ходжсон Юернетт и тблески британского колониализма на страницах детских книг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 85–89.

Burnett F. H. *The Secret Garden*. L.: Penguin Popular Classics, 1995. 284 p.

Vyachkova V. A. Unhappy Birthdays in the Novels by F.H. Burnett (*A Little Princess*) and Charles Dickens (*David Copperfield*) // Libri et Liberi. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 63–74.

Carpenter H. *Secret Gardens. A Study of the Golden Age of Children's Literature*. L.: Unwin Paperbacks, 1987. 243 p.

DiGiulio K. Between Misselthwaite Manor and The “Wild, Dreary” Moor: Children and Enclosures in *The Secret Garden* // Re:Search: The Undergraduate Literary Criticism Journal at the University of Illinois. 2014. Vol. 1.1. P. 20–34. URL: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/55434> (last accessed: 15.10.2021).

A Hundred Years of The Secret Garden. Frances Hodgson Burnett Children's Classics Revisited / ed. by M. Gymnich and I. Lichterfeld. Bonn: V&R unipress, Bonn University Press, 2012. 190 p.

Kirkpatrick L. M. Hidden Kisses, Walled Gardens and Angel-kinder: A Study of the Victorian and Edwardian Conceptions of Motherhood and Childhood in *Little Women*, *The Secret Garden* and *Peter Pan*. A thesis submitted to the Graduate Faculty of James Madison University In Partial Fulfillment of the Requirements for the degree of Master of Arts. James Madison University, 2012. 148 p.

James Susan E. *Wuthering Heights for Children: Fransis Hodgson Burnett's The Secret Garden* // Connotations. 2000. Vol. 10.1. P. 59–76.

Petcovič D. "India is Quite Different from Yorkshire": Empire(s), Orientalism and Gender in Burnett's *Secret Gargen* // *Factas Universitatis – Linguistics and Literature*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 85–96.

Tyler L. Brontë and Burnett: A Response to Susan E. James // *Connotations*. 2002. Vol. 12.1. P. 61–66.

“BIG” AND “SMALL” WORLDS OF YOUNG CHARACTERS OF “THE SECRET GARDEN” BY F. HUDGSON BURNETT

Varvara A. Byachkova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature
Associate Professor in the Department of Culture and English Language
of Professional Communication

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev srt., 15

bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Submitted 15.10.2021

The article is devoted to the analysis of the novel "The Secret Garden" by F. Hodgson Burnett. The two-way process of the influence of space on the child's character and on ability of children to transform the world around is demonstrated. In the novel, the problems of education as a basis for the harmonious personality formation are discussed. Upbringing and self-education in the novel are the processes of a child's comprehension of culture (at a very different level) and nature. The key image in the novel is the image of the garden which becomes a symbol of the synthesis of culture and nature. Revived by the main characters of the novel, the garden becomes the place of their personal formation of rebirth. Certain aspects of the novel are compared with the novel "The Little Princess".

Keywords: F. H. Burnett, "The Secret Garden", the image of child, space.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бьячкова В. А. Большие и малые миры юных героев романа Ф. Ходжсон Бернетт «Тайственный сад» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2021. № 13 (19). С. 24–33. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-24-33

Please cite this article in English as:

Byachkova V. A. Bol'shie i malye miry yunyh geroev romana F. Hodzhson Bernett «Tainstvennyj sad» ["Big" and "Small" Worlds of Young Characters of "The Secret Garden" by F. Hodgson Burnett]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2021, issue 13 (19), pp. 24–33. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-24-33